

КРАСКИ МИРА

Культура. — 31 декабря 1994 г. — 11

МАДОННА:

Я БЫЛА

Беспримерное число поклонников, мировая популярность, огромные тиражи дисков и скандальная слава — казалось, чего еще желать Мадонне, преуспевающей певице и актрисе, ставшей, пожалуй, самым ярким из многочисленных секс-символов Европы и Америки 90-х? Однако, оказывается, и у нее есть причины для недовольства жизнью — она поведала о них корреспонденту французского журнала «Пари-матч», взявшему у нее интервью, которое мы перепечатываем с сокращениями.

— В каком смысле вы считаете себя непонятой?

— Я оказалась больше непонятой в сексуальном смысле, нежели в артистическом.

— Как вы могли бы объяснить такую вашу уверенность?

— Я — некто, кто ведет битву, кто продолжает ее вести, кто способен отвечать за ее последствия и гордится этим. Каждый раз — и я уверена, что это так, — каждый раз, когда я пыталась перепрыгнуть табу в вопросах сексуальности, я оказывалась непонятой. Нет, я не ошибаюсь, я веду борьбу в правильном направлении. Но люди ошестиваются от одной моей манеры жить.

— И сегодня вы это понимаете?

— Понимаю — нет. Просто могу констатировать. Да, меня осуждали несправедливо. Презирали. Приговаривали. Я вполне искренне полагаю, вовсе не желая разыгрывать из себя бедную девочку, что я была наказана. Наказана за то, что осмелилась быть женщиной одинокой, сильной и

богатой. Способной говорить именно то, что я думаю на самом деле...

— ...Даже не говорить, а кричать со всех крыш. И все сводится в конце концов к пропаганде сексуальной свободы самым энергичным образом.

— Я старалась обосновать необходимость истины, что человек должен чувствовать себя в гармонии с самим собой. И доказать, что нет ничего плохого в желании исследовать свою сексуальность. Я сказала то, что думала. Просто сказала, что кот — это кот.

— А откуда же взялись неприятности?

— Оттуда, что для множества людей то, что я высказывала, было равносильно оправданию разрушения всех барьеров и призывам спать направо и налево с любым и каждым. Истории, касающиеся секса, затрагивают сферы столь тайные и запретные, что лучше два раза подумать, прежде чем выводить какое-то непреложное правило.

Каждый человек свободен и

может делать все, что ему нравится. Если это никому не причиняет зла.

— Благодаря вам гомосексуальное женское движение пережило знаменательный взлет.

— Я не думаю, что движение лесбиянок пережило взлет благодаря мне или да-

же из-за меня. Но если это так, тем лучше. Мне очень нравится то, что у этого движения имидж «ниспровергателя основ». Быть лесбиянкой, впрочем, как и гомосексуалистом, в обществе буржуазного типа — это нечто болезненное, злобное, плохое, омерзительное. И это самое мне и нравится в них. Ибо это опрокидывает застывшие нравы и устоявшиеся идеи.

— В одной из песен вашего нового альбома вы поете, что никогда не станете ни святой, ни ангелом!

— Я знаю, что я никогда не стану ни святой, ни ангелом, даже если бы и мечтала об этом. Но вы ведь знаете, что я добиваюсь только одного — чтобы ко мне относились как к обычному человеческому существу.

— Скромность, если позволите, не из тех качеств, которые вам свойственны. Стоит только посмотреть на весь этот цирковой кортеж, вечно сопровождающий вас в поездках, ваших поклонников, готовых сколь угодно долго ждать под вашими окнами или выслеживать вас на улицах по всему миру. Не надоела ли вам такая слава, которая сопутствует вам всегда?

— Нет. Отвечаю четко и ясно. Нисколько.

— Но ведь вы и шагу ступить не можете без того, чтобы вам не давала передышки орда фотографов...

— В Нью-Йорке это тоже случается. В Париже еще труд-

нее. И все-таки Европа в основном, и Франция в особенности — места куда более цивилизованные, чем Америка. Люди здесь более рафинированные.

— Вы любите Жюльена Грина, Жоржа Батайя, Лукино Висконти и Аньес Варда. Это нельзя назвать обычным вкусом. Что вам отвечают в Соединенных Штатах, когда вы о них говорите? Не выглядит ли это некой позой, желанием показать себя ученой женщиной?

— Я сейчас не помню точно тех обстоятельств, которые привели меня к рождению этих необыкновенных сердечных переживаний. Конечно, кто-то из моих друзей открыл мне их. Но я люблю их тем сильнее, что Америка в большинстве своем их не знает. Нет, это для меня не поза. Я никогда о них не говорю, а если вдруг случается процитировать их в беседе, то никогда не слышно ни вопросов, кто они такие, ни утверждений, что они известны.

— Можно ли представить себе, что, прежде чем вы родились с кожей Мадонны, вы были кем-то в предшествующей жизни?

— Я не хочу представлять себе, кем я могла быть. Я чувствую себя твердой, как железо во время переплавки. И я знаю, что в предыдущей жизни я была прекрасным и гармоничным китайским императором.

Подготовил
Д. САВОСИН.

222